

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ КАТЕГОРИЙ «RULE OF LAW» И «RECHTSSTAAT»

Аблаева Эльвира Бекболатовна

Кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы права гуманитарно-юридического факультета университета «Туран»; г. Алматы, Республика Казахстан, e-mail: ablaeva_1981@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию и разрешению проблем дефиниций правовых категорий «Rule of law» и «Rechtsstaat», порождающих неясность, многозначность и неточность в интерпретации и применении юридической терминологии. Выявлены их основные причины, заключающиеся в ошибке перевода англоязычных терминов на другие языки, различиях между правом и законом, неправильной интерпретации Rule of law на национальном уровне и его неопределенность на международном уровне.

Уделяется внимание вопросам сопоставления и противопоставления судебной доктрины англосаксонской правовой системы «Правление права» с близкой ей по характеру юридической концепции романо-германской правовой системы «Правовое государство», категорий право и закон, принципов верховенство права и верховенство закона.

Определено, что «Rule of law» и «Rechtsstaat» по отношению к друг другу не являются противоречивыми или тождественными категориями. Общим для них представляется единство цели в ограничении произвола власти государства, единство задачи по приданию государству правовой формы и наполнению его сущностными составляющими право критериями. А отличием различные способы закрепления, применения и обеспечения прав, которые вполне преодолимы развитием единообразия в судебной практике по толкованию и применению норм материального и процессуального права, правовой определенностью в правовой регламентации правоотношений, в том числе предсказуемостью нормативных, административных и судебных актов, правомерностью ожиданий субъектов.

Автор представленной работы, не исключая того, что между «Rule of law» и «Rechtsstaat» существуют совпадения и расхождения, как и между самими категориями право и закон, собственно, в силу чего разделяются правовые законы и неправовые законы, считает недопустимым их смешивать, уравнивать и принимать в качестве синонимичных терминов.

Исследование показало, что «Rule of law», используемый в основных законах стран с континентальной системой права, выработал совершенно новые философско-правовые идеи и различные суждения относительно его понимания.

Ключевые слова: верховенство права, верховенство закона, закон, право, примат права, правовое государство, правление права, господство силы; хорошее правление; системы права.

«RULE OF LAW» ЖӘНЕ «RECHTSSTAAT» САНАТТАРЫН АНЫҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Эльвира Бекболатқызы Аблаева

Заң ғылымдарының кандидаты, «Тұран» университетінің гуманитарлық-заң факультетінің Жоғары құқық мектебінің қауымдастырылған профессоры; Алматы қ., Қазақстан Республикасы; e-mail: ablaeva_1981@mail.ru

Аннотация. Бұл жұмыс заң терминологиясын түсіндіру мен қолдануда түсініксіздікті, екіұшықтықты және дәлсіздікті тудыратын «Rule of law» және «Rechtsstaat» құқықтық санаттарын анықтау мәселелерін зерттеуге және шешуге арналған. Олардың негізгі себептері ағылшын тіліндегі терминдерді басқа тілдерге аударудағы жіберілген қателіктерден, құқық пен заң арасындағы айырмашылықтардан, Rule of law терминін ұлттық деңгейде дұрыс түсіндірмеуден және оның халықаралық деңгейде белгісіздігінен анықталды.

Англо-саксондық құқықтық жүйенің "Құқық басқаруы" сот доктринасын табиғатына жақын "Құқықтық мемлекет" роман-германдық құқықтық жүйесінің құқықтық тұжырымдамасымен, құқық және заң категорияларымен, құқықтың үстемдігі және заңның үстемдігі принциптерімен салыстыру мәселелеріне назар аударылады.

«Rule of law» мен «Rechtsstaat» бір-біріне қатысты қарама-қайшы және бірдей категориялар емес екендігі анықталды. Олардың ортақтығы – мемлекеттің ерікті билігін шектеудегі мақсат бірлігі, мемлекетке құқықтық форма беру және оны құқықты құрайтын маңызды өлшемдермен толтыру міндеттерінің бірлігі. Ал айырмашылы, құқықтарды бекіту, қолдану және қамтамасыз ету тәсілдерінде. Аталған айырмашылықтар материалдық және іс жүргізу құқығын түсіндіру мен қолдануда сот тәжірибесінде біркелкіліктің дамуымен, құқықтық қатынастарды құқықтық реттеудегі құқықтық анықтықпен, оның ішінде нормативтік, әкімшілік және сот актілерінің болжамдылығын, субъектілердің күтуінің заңдылығын сақтаумен жойылады.

Ұсынылған жұмыстың автордың ойынша, «Rule of law» және «Rechtsstaat» арасында сәйкессіздіктер мен айырмашылықтар бар екенін қоспағанда, құқық пен заң категорияларының өздері сияқты, іс жүзінде құқықтық және құқықтық емес заңдардың болғандығынан, оларды араластыруға, теңестіруге және синонимдік терминдер ретінде қабылдауға жол берілмеу керек.

Зерттеу континенттік құқық жүйесі бар елдердің негізгі заңдарында қолданылатын «Rule of law» оны түсінуге қатысты мүлдем жаңа философиялық-құқықтық идеялар мен әртүрлі пайымдаулар жасағанын көрсетті.

Түйінді сөздер: құқықтың үстемдігі, заңның үстемдігі, заң, құқық, құқықтың басымдығы, құқықтық мемлекет, құқықтық басқаруы, күштің басымдылығы, жақсы басқару, құқық жүйелері.

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF THE CATEGORIES "RULE OF LAW" AND "RECHTSSTAAT"

Ablaeva Elvira Bekbolatovna

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Higher School of Law of Faculty of Humanities and Law at Turan University; Almaty c., Republic of Kazakhstan;
e-mail: ablaeva_1981@mail.ru*

Abstract. This work is devoted to the study and resolution of the problems of definitions of the legal categories "Rule of law" and "Rechtsstaat", which give rise to ambiguity, ambiguity and imprecision in the interpretation and application of legal terminology. Their main causes are identified, consisting in the error of translation of English terms into other languages, the differences between law and statute, incorrect interpretation of the Rule of law at the national level and its uncertainty at the international level.

Attention is paid to the issues of comparison and contrast of the judicial doctrine of the Anglo-Saxon legal system "Rule of law" with the legal concept of the Romano-Germanic legal system "State of Law", which is close to it in content, the categories of law and statute, the principles of the rule of law and the rule of law.

It is determined that "Rule of law" and "Rechtsstaat" in relation to each other are not contradictory and identical categories. What they have in common is the unity of purpose in limiting the arbitrariness of state power, the unity of the task of giving the state a legal form and filling it with essential criteria that constitute the law. And the difference is the different ways of securing, applying and ensuring rights, which can be completely overcome by developing uniformity in judicial practice in the interpretation and application of substantive and procedural law, legal certainty in the legal regulation of legal relations, including the predictability of regulatory, administrative and judicial acts, the legitimacy of the expectations of subjects.

The author of the presented work, without excluding the fact that there are coincidences and differences between the "Rule of law" and "Rechtsstaat", as well as between the categories of law and law themselves, in fact, by virtue of which legal laws and non-legal laws are separated, considers it unacceptable to mix them, equate them and accept them as synonymous terms. The study showed that the "Rule of Law" used in the basic laws of countries with a continental

legal system has developed completely new philosophical and legal ideas and different judgments regarding its understanding.

Keywords: rule of law, supremacy of law, law, right, primacy of law, Rechtsstaat, rule of law state, Rule of force, good government, legal systems.

DOI: 10.52026/2788-5291_2024_79_4_38

Введение

Процесс интегрирования Казахстана в сообщество развитых стран мира повлек за собой необходимость имплементации норм международного права на своей территории. Внедрение в национальное законодательство и казахстанскую судебную практику общепризнанных демократических стандартов в области прав и свобод человека за последние годы показывает заимствование англоязычного термина «*Rule of law*», употребляемого в основном как «*верховенство закона*» и в редких случаях – «*верховенство права*». К сожалению, передовой опыт зарубежной юридической науки и международные стандарты, вовлеченные в ту или иную национальную правовую систему и правоприменительную практику, не в полной мере учитывают, сложившиеся в том или ином государстве быт и традиции, расклад его политических сил, уровень правовой культуры населения, особенности судостроительства и судопроизводства. Принимая их во внимание, будет правильным признание того, что самые действенные механизмы в сфере защиты прав и свобод человека, а также в сфере правосудия, эффективно функционирующие в развитых европейских государствах, не могут быть применимы в других государствах, например, в Казахстане. Уместно привести справедливое высказывание П.Д. Баренбойм: «Доктрина Дайси сформулирована для Англии и малоприменима в других странах, особенно тех, где действует неанглосаксонская правовая система» [1, с.13]. Такое же мнение мы находим у Ю.А. Шарандина, Д.В. Кравченко: «Невозможно механически переносить некую основополагающую правовую концепцию на другие страны, такая правовая концепция в любом случае будет сталкиваться, противоборствовать и смешиваться с другими национальными правовыми концепциями». «Более того, – продолжают

авторы, многие эксперты сейчас говорят о том, что доктрина верховенства права может и должна восприниматься именно через ее сопоставление с основной «конкурирующей» правовой доктриной – правового государства (и наоборот)» [2, с.67].

Обобщение анализа конституций некоторых республик показывает, что в современном мире, принцип «*rule of law*» интерпретируется и принимается разнообразно. Даже те государства как Беларусь¹, Украина², Хорватия³, Эфиопия⁴, которые закрепили в своих конституциях верховенство права в качестве принципа или цели, подразумевают под ним верховенство Конституции. А те государства, как Казахстан⁵, Кыргызстан⁶, Россия⁷, которые закрепили высшую силу и прямое действие Конституции, больше внимания уделяют правам человека и гражданина. На справедливый взгляд В.Е. Чиркина, нормы Конституции многих государств не передают точный и буквальный смысл термина верховенство права, в котором особо выделена господствующая роль права в регулировании общественных отношений и его обеспеченность со стороны государства [3, с.6].

Такого рода путаницы свидетельствуют о несоответствии действительного положения своему номинальному обозначению. Особо подчеркнем, что правильное истолкование, разъяснение смысла и значения норм влияет на принятие законного решения, формирование правильной правоприменительной практики, достижение единообразия в тех или иных сферах правоотношений. В связи с этим, уместно уделить внимание на одно из важных в философии Конфуция учение – императив «*чжэньмин*». Его учение по правильному формулированию понятий и исправлению названий имен, не соответствующих своей сути, весьма необходимо для хорошего управления государством

¹ Конституция Беларуси от 15 марта 1994 года // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19402875>

² Конституція України 28 червня 1996 року // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр#Text>

³ Конституция Хорватии от 22 декабря 1990 года // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=107>

⁴ Конституция Эфиопии от 1994 года // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=77>

⁵ Конституция Казахстана от 30 августа 1995 года // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>

⁶ Конституция Кыргызстана от 11 апреля 2021 года // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>

⁷ Конституция России от 12 декабря 1993 года // URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

и упорядочения общественных отношений. Согласно конфуцианской философии, «если названия не соответствуют сути, то и со словами неблагополучно. Если со словами неблагополучно, то и дела не будут ладиться» [4, с.204]. Основным смысл учения Конфуция кроится в том, что название имен, положение вещей и поведение человека должны соответствовать своей сути и предназначению, к примеру, «правитель должен быть правителем, чиновник – чиновником, отец – отцом, сын – сыном» [4, с.202].

Поэтому, в настоящей работе с учетом, требований, предъявляемых к объему публикации, остановимся только на различиях терминологии категории «*rule of law*» в государствах-членах Совета Европы (СЕ), а также в юридической науке и практике постсоветских стран, не затрагивая иных аспектов рассматриваемой проблемы.

Методы и материалы

Применены общелогические (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), философские (диалектика и метафизика), частно-филологические (сопоставительно-стилистический), специальный юридический (сравнительно-правовой) методы познания.

Результаты и обсуждение

Парламентская Ассамблея СЕ обеспокоилась различиями в терминологии и пониманию понятия "верховенство права" (*rule of law*) в разных языках. Например, во французском языке часто используется термин "*état de droit*", который по смыслу соответствует немецкому правовому понятию "*Rechtsstaat*", что в переводе на русский язык означает "правовое государство". Эти различия в терминологии и их интерпретации вызывают путаницу и непонимание [5]. Из Резолюции Парламентской Ассамблеи следует, что «употребление термина «*état de droit*» точно не отражает англоязычное понятие «*rule of law*», как выражение «*prééminence du droit*», используемое во французском тексте Устава СЕ, в преамбуле Конвенции о правах человека и в судебной практике Европейского суда по правам человека», то есть не согласуется с основным смыслом «*rule of law*» и про-

тиворечит ему [5]. В связи с этим, Парламентская Ассамблея заключила, чтобы на русский язык перевод "*rule of law*" осуществлялся в значении "верховенство права", а на французский - "*prééminence du droit*" [5]. Вместе с тем, она поручила Венецианской Комиссии обеспечить правильную интерпретацию перечисленных терминов в духе принципа законности и надлежащей правовой процедуры⁸.

Несмотря на проделанную Венецианской комиссией кропотливой работы, нужно признать, что она узко и бегло подошла к этому вопросу, задавшись только целью примирить принцип *rule of law* и концепцию *правовое государство*. Не выявляя родство общеславянских и индоевропейских языков, происхождение слов *право*, *law*, *le droit*, *rechte*, а также факторов, влияющих на их изменение, Венецианская Комиссия ограничилась лишь рассмотрением истории зарождения рассматриваемых терминов и понятий. Занявшись изысканием наиболее подходящего определения понятию *rule of law*, она выявила 6 ее аспектов: «законность; правовая определенность; запрет на произвол; доступ к правосудию; соблюдение прав человека; не дискриминация и равенство перед законом»⁹. В завершении своего исследования, не найдя определения понятию верховенство права, Венецианская комиссия заключила: «верховенство права действительно представляет собой основополагающий и общий европейский стандарт для того, чтобы направлять и ограничивать осуществление демократической власти»¹⁰.

По справедливому замечанию В.В. Ершова такая интерпретация термина *верховенство права* отождествляет его с правовым государством [5, с.16]. Также на это обратил свое внимание Джеймс Р. Силкенат, верно подметивший, что большинство не чувствуют различий между «*Rule of law*» и "*Rechtsstaat*", причиной чему на его взгляд, является их смешение или неправильный перевод [6, с.15-16]. Исследования показывают, что верховенство права, являющийся жизненным принципом англо-саксонской системы общего права соотносится, сопоставляется, противопоставляется с идеей правового государства, выдвинутой Кантом и, как правило,

8 «Принцип *rule of law*», утвержденный Резолюцией Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1594 (2007) // URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2007\]/\[Bratislava2007\]/Res1594_rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2007]/[Bratislava2007]/Res1594_rus.asp) (дата обращения: 15.08.2024).

9 Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии, Страсбург, 4 апреля 2011 года // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 15.08.2024).

10 Там же.

являются предметом философии права и современного конституционализма. «Исследование и сопоставление доктрин верховенства права, и близкой по содержанию концепции правового государства, – по мнению докладчика, вероятно, будет способствовать нашему пониманию сущностного значения верховенства права и его роли в построении общества возможностей и справедливости» [6, с.15-16].

Осенью 2016 г. Венецианская Комиссия опубликовала Доклад с названием «Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права», состоящий из трех частей. В первой части излагается цель и предмет исследования, показана взаимосвязь между верховенством права, демократией и правами человека. Во второй части указаны контрольные показатели верховенства права, то есть раскрывается 6 аспектов верховенства права, которые были определены Венецианской Комиссией в Докладе от 2011 г., а также приводятся примеры посягательства на верховенство права. В третьей части даны обязательные и рекомендательные нормы относительно вопроса о верховенстве права. Итак, Венецианская Комиссия доводит до нашего сведения, что Контрольный список разработан в целях дальнейшего продвижения верховенства права, предназначен обеспечить механизм оценки соблюдения данного принципа в определенном государстве с учетом его конституционно-правового строения, законодательства и судебной практики. Задачей его является обеспечение объективной, полной, доступной и единообразной оценки. Обращается внимание на открытый характер перечня Контрольных вопросов, который по мере необходимости вероятно пополнится. Критерием оценки верховенства права выступает законодательство и судебная практика. Контрольный список может быть использован в качестве инструментов оценки всеми субъектами: госорганами, гражданским обществом, международными организациями. Поскольку даже самые развитые демократические государства не достигли абсолютного верховенства права, Венецианская Комиссия рекомендует субъектам оценки, в первую очередь, при оценке верховенства права учитывать, какие критерии его не соблюдены, до какой степени, в каком сочетании и т.п. Поэтому вовсе не

обязательно, чтобы верховенство права того или иного государства отвечало всем контрольным вопросам. Низкий уровень верховенства права означает большую потребность в нем, а высокий уровень – меньшую потребность в нем. Также Венецианская Комиссия признает, что принцип верховенства права тесно связан с правами человека. Собственно, в чем наблюдается схожесть во взглядах сторонников либертарного подхода к правопониманию. С одной стороны, соблюдение прав человека означает обеспечение верховенства права, а с другой стороны, механизм защиты прав человека реализуется посредством соблюдения принципа верховенства права¹¹.

Перечислим контрольные вопросы в рамках каждого из 6 критериев верховенства права. Итак, первый критерий — это законность, включающий в себя примат закона, соблюдение закона, соотношение международных и внутренних правовых норм, законодательные полномочия исполнительной власти, законодательные процедуры, исключения в чрезвычайных ситуациях, обязанность исполнения законов, субъекты частного сектора, выполняющие государственные задачи. Второй правовая определенность, охватывающий доступность законодательства и решений судов, предсказуемость, стабильность и последовательность закона, правомерные ожидания субъектов, отсутствие обратной силы, принципы *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*; *res judicata*. Третий предотвращение злоупотребления (превышения) полномочиями, определяемое наличием правовых гарантий против произвола и злоупотребления полномочиями (*détournement de pouvoir*) со стороны органов власти. Четвертый равенство перед законом и недискриминация, то есть закрепление и обеспечение его в качестве принципа, предоставление гарантий равенства в законодательстве и перед законом. Пятый доступ к правосудию: независимость и беспристрастность, справедливый суд, конституционное правосудие. И, в качестве последнего критерия приведены примеры проблемы, встающие на пути обеспечения верховенства права, среди которых коррупция и конфликт интересов, сбор данных и наблюдение¹².

На наш взгляд, одна из проблем, порожа-

¹¹ Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии // [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)007-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)007-rus) (дата обращения: 15.08.2024).

¹² Там же.

дающих непонятность в интерпретации принципа *the rule of law* на национальном уровне, состоит в ошибке перевода. Так, в прямом переводе русскоязычного термина «верховенство права» на немецкий язык, он во многих переводах обозначается термином «*Rechtsstaatlichkeit*», на английский язык «*supremacy of law*» или «*rule of law*», на французский язык «*l'état de droit*», на казахский язык «*құқықтың үстемдігі*», на киргизский язык «*укуктун үстөмдүгү*». В обратном переводе англоязычного термина «*rule of law*», якобы несущего в себе смысл «верховенство права», на другие языки, «*rule of law*» утрачивает свой смысл, в итоге затемняется его понимание. Например, в переводе на русский язык термин «*rule of law*» довольно часто обозначается термином «верховенство закона», на казахский язык «*заңның үстемдігі*», на киргизский язык «*мыйзамдын үстөмдүгү*». В то же время в перечисленных языках есть различаемые между собой понятия «право» и «закон». Закон – это английское *law*, французское *la loi*, немецкое *Gesetz*, итальянское *la legge*. Как видим английский термин *law* употребляется как в значении право в субъективном и объективном смысле, так и в значении закон, что не наблюдается в других языках, особенно в русском, казахском, киргизском языках.

Исходя из этого, есть существенные различия между верховенством права и верховенством закона, поскольку право и закон не есть одно и то же. В постсоветских странах, в которых казахский, киргизский, русский языки являются государственными языками, есть понимание того, что существует «верховенство права или закона» как принцип правового государства и само «правовое государство» как юридическая концепция. Также есть признание того, что между ними существуют совпадения и расхождения, как и между категориями право и закон. Согласно этим представлениям, не уместно говорить о смешении верховенства права и правового государства.

Как правильно подметил В.К. Дмитриев, недопустимо рассматривать их в качестве синонимов, поскольку даже сам лингвистический анализ конструкции словосочетаний «правовое государство» подсказывает, что оно акцентируется на «государстве», а «верховенство право» на праве. Соотносятся они между собой тем, что правовое государство представляет собой систему правовых средств и гарантий, посредством которых

реализуются принципы права, то есть оно выступает одной из форм реализации *Rule of Law*, в свою очередь, которое предписывает, чтобы государственная власть организовывалась и действовала в строгом соответствии с принципами права, обеспечивая их реализацию, а не произвольно, просто следуя формальным правилам. В контексте такого соотношения *Rule of Law* подразумевает более динамичный и адаптивный подход к организации и функционированию органов государственной власти, нацеленный на воплощение в действительность ценностей права [7, с.13].

Обнаруживаются также научные мнения, как отождествляющие, так и разграничивающие между собой идеи, на которых построены доктрины правового государства – *Rechtsstaat* и верховенства права – *Rule of Law*. Так, В.Д. Зорькин пишет, что «общепризнанный принцип верховенства (господства) права или правового государства лежит в основе нового миропорядка и конституционного строя современных демократий» [8, с.30]. Казалось бы, российский учёный ставит между ними знак тождества, но он в своих научных исследованиях, верховенство права и правовое государство, рассматривает в их неразрывной связи. Придерживаясь естественно-правового подхода к правопониманию, который и заложен в основе Конституций многих стран, к сущностным признакам правового государства автор правильно отнес: «верховенство права, содержащее в себе приоритет прав человека и верховенство правового закона, народовластие и разделение власти» [9, с.51-54].

Не исключая сходства между правовым государством – *Rechtsstaat* и верховенством права – *Rule of Law*, в тоже время, не упуская из виду разницу между англосаксонским общим правом и континентальным рецептированным римским правом, Г.А. Гаджиев приводит различия между ними. Авторская гипотеза состоит в том, что верховенство права не существует (и не может существовать) как универсальная, общеобязательная концепция [10, с.13-14]. Вместе с тем, он обращает внимание на то, что верховенство права в России развивается как судебная доктрина, в то время как правовое государство – это, прежде всего научная концепция [10, с.13-14].

С последним мнением, наверное, следует согласиться, прежде всего, по той причине, что идея или принцип верховенства права активно развивается не только европейской

судебной доктриной и российской, но и медленными темпами казахстанской. Принцип верховенство права, впервые было выработано многолетней судебной практикой Англии. Суды, как нам известно, провозглашают свои акты от имени государства, что свидетельствует о придании актам суда законной силы актов государства, требования, вытекающие из которых неукоснительно должны всеми без исключения исполняться или соблюдаться. В противном случае, неисполнение или несоблюдение требований, вытекающих из актов суда, может повлечь за собой применение самых строгих мер воздействия, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Придание англичанами актам судов силы закона, признание их источниками британской правовой системы, объясняется тем, что благодаря силе и авторитету судебных актов обеспечиваются права человека и утверждаются их абсолютное верховенство над всем и всеми. Правовые позиции ЕСПЧ, в первую очередь, выстроены на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, на признание их приоритетности и установления их верховенства. Как правило, англосаксонских стран мало интересует создание и официальное закрепление прав и свобод человека и гражданина. Они сильно озадачены именно обеспечением их надежных и действенных средств защиты. В этой части уместно привести принцип прецедентного права: «*ubi jus ibi remedium*».

Различия между верховенством права и правовым государством П.Д. Баренбойм объясняет так, что, во-первых, отцом-основателем доктрины верховенство права является Альбер Дэйси, а правового государства – Иммануил Кант, во-вторых, доктрина верховенство права выработана в 1895 г., а правового государства на 100 лет раньше, в-третьих, по доктрине верховенства права источником конституционного права выступают решения судов, а по правовому государству – сама писаная Конституция [1, с.13].

Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев также считают, что концепция господство права существует давно, в международное право она пришла из внутреннего права Англии, под ней в общем плане понимались: «правовая форма образования и деятельности правительств, судебной системы, исключавшая любые проявления произвола, беззакония, авторитарных методов руководства; упорядоченный на основе судебных решений характер происхождения конституционных норм; юридическое равенство всех граждан

перед законом» [11, с.39]. По сообщениям авторов, аналогичная концепция есть в США – «правительство под законом», во Франции – «принцип законности и верховенство нормы права», в ФРГ – «правовое государство». *Rule of law* они противопоставляют *Rule of force*, то есть господству силы, оправдывающей себя оказанием давления и применением насилия для решения каких-либо внешнеполитических задач при полном отрицании международного права, которые полностью исключают господство права [11, с.41]. Мнение авторов хотелось бы дополнить тем, что Казахстан, по сей день, под эгидой «Правительство для всех», проводит институциональные реформы, в том числе и по обеспечению верховенства закона. Ее реализация, несомненно, возлагается именно на судебную ветвь власти, которую она неохотно обеспечивает.

В своей работе немецкий философ и социолог, рассматривая процессы конституционализации международного права, приходит к выводу, что в основе *Rule of Law* и *Rechtsstaat* заложена одна идея – об ограничении политического господства и одна цель – о придании политическому господству правовую форму [12, с.127]. «Эта идея, – пишет Ю. Хабермас, воплощенная уже в древних парламентах, или сословных собраниях, приспособленная к коллективному представительству, идея взаимного ограничения и сбалансирования «господствующих сил», в современных теориях государства развилась в представлении о дистрибутивном, распределительном, «разделении господства», «разделении власти суверена»; она соединилась с индивидуалистическими концепциями – учением о правах человека в английском либерализме, о функциональном разделении законодательной, исполнительной власти и права в немецком конституционализме» [12, с.127-128]. Таким образом, автор считает, что *Rule of law* и *Rechtsstaat* представляют собой два варианта одной идеи об ограничении произвола власти – господстве законов, под которым он понимает принцип господство права [12, с.128]. Далее, Ю. Хабермас пишет, что концепция «господства закона» получила свою легитимность из источников естественного права, она основана на идее естественных прав человека [12, с.129].

Следующей главной причиной, вызывающей многозначность и неточность в вопросах различения терминов *rule of law* и *верховенство закона*, уравнивая понятия *rule of law* с режимами конституционность

и законность, смешение его с концепцией *правовое государство*, является проблема соотношения категорий право и закон. Сама постановка этой проблемы состоит в понимании права в объективном и субъективном смысле, что порождает в науке и практике юриспруденции различные интерпретации, особенно в англосаксонской системе права и англоязычных странах. Выявляя в контексте языка философии соотношение понятий права и закон, Л.И. Фархутдинов верно отметил, что «ситуация осложняется также спецификой каждого конкретного языка, тем, что в терминологической системе понятия нормы, права, закона, морали и прочие не располагаются идентичным образом» [13, с.214].

Между тем, категории *право* и *закон* подобно англоязычным юридическим терминам *law* и *right* наполняются разным смыслом. Соответственно, будет правильным, если мы признаем, что *rule of law* в англосаксонской системе права и верховенство закона в романо-германских системах права не есть одно и то же. Так, русскоязычное *право*, понимаемое нами в объективном смысле, при переводе на английский язык обозначен юридическим термином *law*, под которым мы будем подразумевать *закон* [14, с.219]. При определении права, нормы права или правовой нормы и законности, в англоязычной юридической терминологии употребляется одно слово *law*, что приводит к сумятице. В качестве примера можно сослаться на учредительные документы международных организаций и обнаружить, что в их деятельности часто употребляются термин *rule of law*, под которым они имеют в виду, как *верховенство права*, так и *верховенство закона*. Очень редко можно встретить термин *supremacy of law*, в переводе на русский язык, означающий господство, верховенство права [14, с.222].

Тем временем, другая проблема видится в неясности и неопределенности позиций самих международных организаций, нормы которых имеют приоритет над национальным правом субъектов международного права, признавших их юрисдикцию на своей территории. Изучение казахстанскими исследователями категории *rule of law* в работе международных организаций убеждает в том, что оно является высшим идеалом и ценностным благом, к которому они стремятся, принципом деятельности и сферой направленности, мерой поведения и ответственности субъектов международного права,

европейским стандартом в области защиты прав или судебной доктриной, критерием человеческого измерения или комплексной системой безопасности [15, с.193].

Сам термин *rule* имеет несколько переводов, как: 1) правило, устанавливать правило; 2) норма права, устанавливать правовую норму; 3) постановлять, постановление, предписание, приказ; 4) править, правление, господство, власть [14, с. 325-326]. Учитывая их, можно заключить, что термин *rule* несет в себе только два значения. В первом значении *rule* является существительным, неодушевленным, означающий какое-либо правило поведения, а во втором глагол несовершенного вида, означающее править чем-то или кем-либо. Поэтому этот термин в зависимости от употребляемых словосочетаний будет иметь разные значения. Так, *rule of law* в первом значении — это «норма права или правовая норма» [14, с. 222], то есть определенное правило поведения, под которыми, мы, вероятнее всего, будем иметь в виду норму гражданского, уголовного или административного права, как правило, применительно к континентальной системе права, вытекающих из объединённых и систематизированных законов, а в англосаксонской системе общего права из судебных решений. Во втором значении термин *rule of law* переводится на русский язык как «законность» [14, с. 222], понимаемый в современном юридическом мире также неоднозначно. Так, законность в одних случаях понимается как режим действия законов, в других как правила толкования, в остальных как метод осуществления политической власти, а в основном как принцип построения, организации и функционирования органов власти. Безусловно, в таком контексте *rule of law* означает установить законное право или законное правление.

В этой связи, в значении перевода *rule* как постановлять, постановление, предписание, приказ, хотелось бы упомянуть, что слово *jus* на латыни означает: «право, закон, правосудие» [14, с.215], а более древнее латинское слово *lex* только закон [14, с.228]. Значение римского термина *lex*, в отличие от английского *law* и греческого *nomos* изначально кроилось в принуждении или понуждении человека к чему-то, либо в побуждении в нем чего-то. Корнем термина *lex* является: «слово, выражение, речь». Они связаны с действием читать. Рассматривая различные объяснения значения термина закон (*lex*), С.П. Шевцов, сформулировал общий вывод:

«закон (lex) означал для римлян некий фиксированный людьми (позже – записанный и выставленный) фрагмент миропорядка, который требовал торжественного публичного провозглашения (чтения), воспроизводя тем самым аналогичный порядок в римской общине» [16, с.322].

В свою очередь, *право*, понимаемое нами в субъективном смысле, в английском языке обозначено юридическим термином «*right*» [14, с.322], употребляемый в основном для определения естественных, основных прав и свобод человека. К примеру, «*right of assembly*» – право собраний; «*right of asylum*» – право убежища; «*right of conscience*» – свобода совести; «*right of defence*» – право на защиту; «*right of local self*» – право граждан на местное самоуправление; – «*right of property*» – право собственности; «*right to work*» – право на труд; «*electoral right*» – избирательные права; «*right voting*» – право на участие в голосовании, право голоса [14, с.322-323]. Для определения субъективных прав и права в объективном смысле, на других языках используются одни и те же термины, как *droit* (фр. яз.), *recht* (нем.яз.), *derecho* (исп. яз.), *diritto* (ит. яз.) и мн. др., возводимые к латинскому *rectus*, *derectus* (прямой, под прямым углом, прямая линия, прямая ссылка – рус.яз.; тура, тік – каз. яз.). Согласно этимологическому онлайн-словарю, слово право – это древнеанглийский *riht* в значении «справедливый, хороший, надлежащий, прямой, не загнутый», из протогерманского *rehtan*, от корня *reg* «двигаться по прямой», также «править (to rule), управлять прямо (to lead straight), делать правильно (to put right)» [17]. Следовательно, само слово *right* имеет корень от глагола *to rule*, который означает правильное или хорошее правление. Соответственно, считается верным, если *rule of law* понимать в значении править правильно надлежащим образом, то есть здесь речь идет не только о хорошем правлении, но и законном правлении.

Right означает «правый». Этот термин в значении «правый» Маковский М.М. соотносит с «мужчиной», «рукой» и понятием огня [18, с.306]. Означают также правую сторону, расположенную в противоположность левой стороне, что характерно и для русскоязычного термина «право». Однако в отличие от *droit* (фр. яз.), *recht* (нем.яз.), *derecho* (исп. яз.), *diritto* (ит. яз.), термин «право» употребляется в нескольких значениях. Во всех этимологических словарях указывается принадлежность слова «право»

к общеславянскому языку, имеет происхождение от древнего слова *правъ*, в последующем приобрело форму слова – правый, восходящий первоначальному смыслу первый [19, с.314]. В качестве родственного, к слову, правый, Г.А. Крылов признает – *probus* (лат.), со смыслом хороший, изначально несущий в себе смысл первый [19, с.314]. Обратим внимание на то, что первый указывает на источник происхождения и занимаемое им место. Следовательно, право в таком смысле означает, что оно по отношению к закону и государству первично и соответственно выше него. Правый в обыденном понимании – это значит не левый, не ложный, не кривой, не косой, не сутулый и т. п. Известны также попытки славян-язычников в объяснении устройства мира с использованием слов *правъ*, *явь*, *навъ* и *славъ*. Приведем фрагмент надписи из деревянной дощечки I древнеславянской письменности IX в. н.э., представленный в переводе от известного российского исследователя Велесовой книги А.И. Асова, где говорится о Прави, Яви и Нави: «... Но греки напали на Русь, творя зло во имя (своих) богов. Мы не знали уже, куда бежать и что делать. Правъ же невидимо Дажьдбогом положена, а за ней, как пряжа течет Явь, которая творит нашу жизнь, а когда та пройдет, наступит смерть. Явь есть текущее и творится Правью, а после нее есть Навъ. До нее Навъ и после нее Навъ. ... Пренебрегаем, да еще и глумимся над Истиной. Недостойны мы быть Дажьдбожьими внуками! Только молясь богам, имея чистыми душу и тело, будем жить с Праотцами нашими, в богах сливаясь в единую правду ...» [20, с.14-15].

Слова *правъ*, *явь*, *навъ* и *славъ*, можно соотнести с действиями будь, избавь, кинь, мажь, режь, ставь, сядь, повелительной формы глаголами второго лица, приказывающими совершить какой-либо акт. Как было показано выше, *rule* первом значении является существительным, а во втором глаголом. В старославянском словаре указано, что *правъ* в первом значении, понимается как прямой, ровный *primu govnu*, а во втором – правильный, справедливый, *spravne, spravedlivy*» [21, с.496-497]. Здесь нужно отметить, что прямой состоит в родстве с греческим *promos* (передовой) и английским *prime* (первый), что заметно даже в схожести звучания знакомых нам слов. Из этого можно определить право источником истины, которое обязывало всех точно и строго соответствовать ей, не отступая от прямооты

и ровности в направления, ни в правую, ни в левую стороны. «Прямизна, однако, – пишут К.В. Арановский, С.Д. Князев, – уже намекает на отступление от права к тому произвольному руководству, где указующая десница пересиливает право-законные тяготения и где прямолинейные direction, Direktion, директива, направление или управление по смыслу и происхождению все еще связаны с right, recht – с правом, остаются с ним в корневом гнезде и питаются его пространственно-этической правотой, но уже готовы немного ему «изменить» и дать субъекту, его руководящей воле перевес или власть над законом» [22, с.17].

Термин десница [23, с.253] значительно употреблялся в зрелищном и художественном искусстве для названия правой руки и географических объектов, расположенных на поверхности земли по правую сторону, а для левой – шуйца [23, с.1508]. Так, термин десница использовался в пьесе А.С. Пушкина «Каменный гость» от 1830 г., в значении правая рука. В частности, пушкинский персонаж Дон Гуан произносит следующие слова, когда каменная статуя убитого им командора де Сольва хватает его за правую руку и уносит Дон Гуана в преисподнюю: «... Вот она... о, тяжело Пожатье каменной его десницы! Оставь меня, пусти – пусти мне руку ... Я гибну – кончено – о Дона Анна!» [24]. От старославянского слова «деснь», в значении «правый», образовались слова «одесная» и «одесную», которую употребляли в защитных молитвах, в священных писаниях, но со смыслом «сила, могущество, власть». Есть реки с названием Десна, впадающей с правой стороны и Шуя с левой стороны. Термины «десница» и «шуйца» часто связывались с личностью, его идеями, творчеством и психофизикой, и использовались при составлении автопортрета. Подобную синонимизацию можно встретить в литературе, к примеру, в книге Н.К. Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого; Ф.М. Достоевский – Жестокий талант», где десница и шуйца употребляются литературным критиком для выражения силы и слабости, достоинств и недостающих качеств в личности известных русских писателей.

Однако на взгляд С.П. Шевцова, «кажется маловероятным, что значение «правая сторона», «правая рука» могут быть присущие словам, обозначающим «право», поскольку термин для правой руки существовал – он восходил к индоевропейскому *deks-to: (фр. destre, итал. destro, исп. diestro, др.

– англ. swidra, др. – верх. – нем. zeso, ст. – слав. Деснь)» [16, с.351]. Но, как привели мы выше, название правых рек Десна и правой руки десницы, производные от слова «деснь».

Словосочетания, включающие слово правый, в других случаях представляют собой положительную семантическую ассоциацию, а слово левый – отрицательную коннотацию. Так, противопоставление бинарных оппозиций «хороший-плохой» или «позитивный-негативный» либо «живой-мертвый» и т. п., наблюдается в работе Н.И. Толстого в связи ориентацией «правый» – «левый», сославшегося на предсказания современной сербской народной традиционной системы [25, с.155].

Слово государство образовано от слов государь, господарь, господин, они определяют принадлежность к хозяину, владельцу. Коренной основой перечисленных слов является слово, образованное путем сложения gostь и podь – господь. Слово gostь (приезжий купец) восходит, к слову, rotis (хозяин, владелец) [19, с.97-98], то есть гостя от бога или существующий под ним. Гостя встречали как бога, потому что он послан богом и ведет к нему. Встреча, почитание и проводы гостей одна из давних традиций казахского народа. В казахском народе есть пословицы, которые прямо указывают на то, что гость есть благо, посланное богом, среди них: «Кұдайы қонақ (гость от бога); қырықтың бірі – Қыдыр (один из сорока благ – это гость; қонақпен еріп құт пен ырыс келеді (с гостем в дом входят благополучие и изобилие); қонақты қусаң, құт пен ырыс қашады (прогонишь гостя, с ним уйдет благополучие и изобилие)». Следовательно, словосочетание «правовое государство», состоящее из двух слов «право» и «государство», означает то, что государство вторично по отношению к праву, исходящему от бога или представляющегося божественным началом, которое по отношению к нему первично. Но применительно к континентальной системе права, общепринято считать, что правовое государство означает связанность государства с правом и не более того.

Заключение

Анализ Конституций Украины, Беларусь, Анголы, Хорватии, Эфиопии и Кыргызстан показал, что несмотря на утверждение ими принципа верховенства права, отсутствует его четкое понятие, критерии его определяющие или признаки его описывающие. Так,

конституционные нормы о верховенстве права перечисленных стран свидетельствуют, что верховенство права означает, во-первых, установление верховенства Конституции, во-вторых, обеспечение верховенства прав и свобод человека и гражданина, в-третьих, соблюдение режима конституционности и законности, в-четвертых, осуществление государственной власти на основании закона.

Между тем, все указанные значения верховенства права имеют очень много общего и схожего с конституционными нормами стран, утвердивших верховенство Конституции. Напротив, в Конституциях тех стран, которые вместо верховенства права провозгласили верховенство Конституции, особое внимание уделяется именно правам человека и гражданина, а не законов. В этой связи, следует заключить, что Rule of law несколько не противоречит Rechtsstaat. Однако отсутствие противоречивости ни в коем случае не позволяет ставить между ними знак тождественности. Учитывая, что в правовом государстве нормативные правовые акты, являющиеся источником права и признающиеся действующим правом, могут содержать в себе запреты и ограничения, должен

верховенствовать именно правовой закон, отвечающий всем критериям права.

Следует принять во внимание, что понимание и применение принципа Rule of law зависят от различных культурно-исторических наследий, социально-экономических условий, геополитических направлений, правовых обычаев и религиозных верований, выступающих в качестве факторов, влияющих на правопонимание людей и сферу правоприменения. Например, в одной системе права действует статутное право, в то время, когда в других – прецедентное право, в-третьих – религиозное право, а над всей системой национального права стоит международное право. Несмотря на существующие различия в интерпретации и механизмах реализации принципа rule of law, категории составляющие его основу или содержание, должны иметь место в любом правовом государстве. Поэтому Rule of law, будучи фундаментальной основой международного права, субъектом которой является и Казахстан, обязательна для исполнения на всей его территории госорганами, общественными организациями, должностными и частными лицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баренбойм П.Д. Соотношение доктрин Верховенства права и Правового государства как главный вопрос философии права и конституционализма. – М.: ЛУМ, 2013. – 128 с.
2. Кравченко Д.В. Верховенство права и правовое государство: лингвистические аспекты конвергенции и разграничения // Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания / Сборник статей под ред. Е.Г. Тарло, Д.В. Кравченко. – М.: ЛУМ, 2013. – С. 303-311.
3. Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права, 2015. № 12. – С. 5-11.
4. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; Вступит, ст. Л.С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. Лит, 2004. – 432 с.
5. Еришов В.В. Верховенство права и правовое государство: актуальные теоретические и практические проблемы / Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики: Мат. X межд. науч. пр. конф. – М.: РГУП, 2016. – С. 11-35.
6. Джеймс Р. Силкенат. Верховенство права и его значение / В Сб. статей: Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм – М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. – С. 15-16.
7. Дмитриев В.К. О соотношении категорий «верховенство права» и «правовое государство» // Национальная Ассоциация ученых, 2015. № 1 (6). – С. 11-13.
8. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права, 2005. № 12. – С. 30-36.
9. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 720 с.: - ISBN 978-5-91768-221-1. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/220355> (дата обращения: 13.09.2024). – Режим доступа: по подписке.

10. Гаджиев Г.А. Судебная доктрина Верховенства права в России / В Сб. статей: *Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания* / отв. ред. Е.Г. Тарло, Д.В. Кравченко. – М.: ЛУМ, 2013. – С. 13-44.
11. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. *Международное право: Учебник*. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 688 с.
12. Хабермас Ю. *Расколотый Запад* / Пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь мир», 2008. – 192 с.
13. Фархутдинов Л.И. Соотношение понятий права и закона в контексте языка философии // *Ученые записки Казанского университета. Том 154, кн. 1.* – 2012. – С. 214-219.
14. *Англо-русский полный юридический словарь. 35 тыс. слов и устойчивых словосочетаний* / Сост. А.С. Мамулян. Первое изд. – М.: Раббит, 1993. – 400 с.
15. Аблаева Э.Б. "Rule of law" в работе международных организаций // *Пробелы в российском законодательстве*, 2017. № 7. – С. 193-200.
16. Шевцов С.П. Архаичное понимание права: этимологический подход // *ΣΧΟΛΗ Φιλοσοφικὸν ἀντικείμενον καὶ κλασσικὴ παράδοση*, 2013. Том 7. Вып. 2. – Новосибирск: Ред.-изд. центр Новосиб. гос. ун-та, 2013. – С. 340-355.
17. *Etymological online Dictionary* // URL: <https://www.etymonline.com/word/right>
18. Маковский М.М. *Историко-этимологический словарь английского языка*. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416 с.
19. *Этимологический словарь русского языка*. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.
20. Велесова книга. ВЛЕС КНИГА / пер. и коммент. Валентина и Юлии Гнатюк. – М.: Амрита-Русь, 2006. – 272 с.
21. *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): около 10000 сл.* / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
22. Арановский К.В., Князев С.Д. *Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений* / под ред. Н.А. Сергеевой. – М.: «Проспект», 2016.
23. *Большой толковый словарь русского языка*. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
24. Пушкин А.С. *Каменный гость*. [Электронный ресурс]: Интернет-библиотека Алексея Комарова. Режим доступа. URL: <http://ilibrary.ru/text/468/p.1/index.html> (дата обращения: 20.08.2024).
25. Толстой Н.И. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.: Изд-во «Индрик», 1995. – 512 с.

REFERENCES

1. Barenbojm P.D. *Sootnoshenie doktrin Verhovenstva prava i Pravovogo gosudarstva kak glavnyj vopros filosofii prava i konstitucionalizma*. – М.: LUM, 2013. – 128 s.
2. Kravchenko D.V. *Verhovenstvo prava i pravovoe gosudarstvo: lingvisticheskie aspekty konvergencii i razgranichenija* // *Mezhdunarodnye pravovye doktriny: poisk vzaimoponimaniya* / Sbornik statej pod red. E.G. Tarlo, D.V. Kravchenko. – М.: LUM, 2013. – S. 303-311.
3. Chirkin V.E. *Verhovenstvo prava: sovremennye varianty terminologii* // *Zhurnal rossijskogo prava*, 2015. № 12. – S. 5-11.
4. *Konfucianskoe «Chetveroknizhie» («Sy shu»)*. Per. s kit. i komment. A.I. Kobzeva, A.E. Luk'janova, L.S. Perelomova, P.S. Popova pri uchastii V.M. Majorova; Vstupit, st. L.S. Perelomova; In-t Dal'nego Vostoka. – М.: Vost. Lit, 2004. – 432 s.
5. Ershov V.V. *Verhovenstvo prava i pravovoe gosudarstvo: aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie problemy* / *Verhovenstvo prava i pravovoe gosudarstvo: problemy teorii i praktiki*: Mat. X mezhd. nauch. pr. konf. – М.: RGUP, 2016. – S. 11-35.
6. Dzhejms R. Silkenat. *Verhovenstvo prava i ego znachenie* / V Sb. statej: *Doktriny Pravovogo Gosudarstva i Verhovenstva Prava v sovremennom mire* / отв. ред. V.D. Zor'kin, P.D. Barenbojm – М.: LUM, Justicinform, 2013. – S. 15-16.
7. Dmitriev V.K. *O sootnoshenii kategorij «verhovenstvo prava» i «pravovoe gosudarstvo»* // *Nacional'naja Asociacija uchenyh*, 2015. № 1 (6). – S. 11-13.
8. Zor'kin V.D. *Verhovenstvo prava i konstitucionnoe pravosudie* // *Zhurnal rossijskogo prava*, 2005. № 12. – S. 30-36.

9. Zor'kin V.D. *Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii* / V.D. Zor'kin. – M.: Norma: INFRA-M, 2011. – 720 s.: - ISBN 978-5-91768-221-1. - Tekst: jelektronnyj. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/220355> (data obrashhenija: 13.09.2024). – Rezhim dostupa: po podpiske.
10. Gadzhiev G.A. *Sudebnaja doktrina Verhovenstvapravav Rossii / VSb. statej: Mezhdunarodnye pravovye doktriny: poisk vzaimoponimaniya* / otv. red. E.G. Tarlo, D.V. Kravchenko. – M.: LUM, 2013. – S. 13-44.
11. Kalamkarjan R.A., Migachev Ju.I. *Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik*. – M.: Izd-vo Jeksmo, 2004. – 688 s.
12. Habermas Ju. *Raskolotyj Zapad* / Per. s nem. – M.: Izd-vo «Ves' mir», 2008. – 192 s.
13. Farhutdinov L.I. *Sootnoshenie ponjatij prava i zakona v kontekste jazyka filosofii* // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Tom 154, kn. 1.* – 2012. – S. 214-219.
14. *Anglo-russkij polnyj juridicheskij slovar'. 35 tys. slov i ustojchivyh slovosochetanij* / Sost. A.S. Mamuljan. *Pervoe izd.* – M.: Rabbit, 1993. – 400 s.
15. Ablaeva Je.B. "Rule of law" v rabote mezhdunarodnyh organizacij // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2017. № 7. – S. 193-200.
16. Shevcov S.P. *Arhaichnoe ponimanie prava: jetimologicheskij podhod* // *ΣΧΟΛΗ Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaja tradicija*, 2013. Tom 7. Vyp. 2. – Novosibirsk: Red.-izd. centr Novosib. gos. un-ta, 2013. – S. 340-355.
17. *Etymological online Dictionary* // URL: <https://www.etymonline.com/word/right>
18. Makovskij M.M. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' anglijskogo jazyka*. – M.: Izdatel'skij dom «Dialog», 1999. – 416 s.
19. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. – SPb.: ООО «Poligrafuslugi», 2005. – 432 s.
20. *Velesova kniga. VLES KNIGA* / per. i komment. Valentina i Julii Gnatjuk. – M.: Amrita-Rus', 2006. – 272 s.
21. *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X-XI vekov): okolo 10000 sl.* / Je. Blagova, R.M. Cejtlin, S. Gerodes i dr. Pod red. R.M. Cejtlin, R. Večerki i Je. Blagovoj. – M.: Rus. jaz., 1994. – 842 s.
22. Aranovskij K.V., Knjazev S.D. *Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znachenij* / pod red. N.A. Sergeevoj. – M.: «Prospekt», 2016.
23. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. / Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. – SPb.: «Norint», 2000. – 1536 s.
24. *Pushkin A.S. Kamennyj gost'. [Jelektronnyj resurs]: Internet-biblioteka Alekseja Komarova*. Rezhim dostupa. URL: <http://ilibrary.ru/text/468/p.1/index.html> (data obrashhenija: 20.08.2024).
25. Tolstoj N.I. *Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike*. M.: Izd-vo «Indrik», 1995. – 512 s.